

УДК 930.85(=161.1):902
ББК 63.3(2)-7:63.4
К90

Рецензенты:

доктор исторических наук, заведующий отделом славяно-финской археологии
Института истории и материальной культуры РАН

В. А. Лапшин;

доктор исторических наук, профессор, заведующая лабораторией археологии Приамурья, главный научный
сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

О. В. Дьякова

Научный редактор:

кандидат исторических наук *Л. В. Татаурова*

К90 **Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России** : сборник научных статей. В 2 т. Том 2 / под ред. Л. В. Татауровой. – Омск ; Сургут : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. – 320 с.

ISBN 978-5-6040401-5-7

В сборник статей вошли новейшие исследования и материалы по изучению русской культуры на основе данных археологии. Приоритетными направлениями стали изучение костюмных комплексов, структуры питания, хозяйственной деятельности, истории Югры. Новая тематика объединила работы по истории формирования и развития направления «археология русских», посвященные А. П. Окладникову. В книгу вошли исследования славяно-русской культуры, выполненные зарубежными учеными. Эти и другие материалы рассмотрены и обсуждены на VII Международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России», состоявшейся в Сургуте 8–13 ноября 2021 года.

Для ученых в области археологии, этнографии, истории, культурологии, специалистов в сфере междисциплинарных исследований в археологии.

УДК 930.85(= 161.1):902
ББК 63.3(2)-7:63.4

Проведение конференции организовано и реализовано при поддержке Сургутского государственного университета.

Издание материалов осуществлено на собственные средства ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1» и АНО «Институт археологии Севера».

В оформлении обложки использованы фотография О. В. Кардаша «Среднее течение реки Большой Юган. Правобережье. Поселок Угут в устье речки Угутки. Вид с юго-запада» и фотография Л. В. Татауровой «Фрагмент раскопа на русском поселении XVII–XVIII вв. Ананьино-1».

ISBN 978-5-6040401-5-7

© Институт археологии и этнографии СО РАН, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения, 2021
© ООО «НПО «Северная археология – 1», 2021
© АНО «Институт археологии Севера», 2021
© Оформление. Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021

ОГНЕВЫЕ ПРИБОРЫ НАСЕЛЕНИЯ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ*

Статья посвящена рассмотрению комплексов огневых приборов населения Минусинской котловины в Новое время. Первый комплекс включает 19 традиционных для хакасов огнив, известных как *оттых*. Они характеризуются простотой декоративной отделкой и использованием накладок из посеребренного железа. В отличие от соседних народов, у хакасов *оттых* не стал обязательным дополнением верхней мужской одежды. Традиция изготовления и использования традиционных хакасских огнив просуществовала до середины XX в. Второй комплекс составляли однолезвийные кресала, появившиеся вместе с русским населением. Лишь одно из них зафиксировано в погребении, остальные обнаружены случайно. Из общего количества большинство кресал (23 экз.) относится к типу калачевидных, которые разделяются на два варианта, существовавшие одновременно. Использование традиционных хакасских огневых приборов и кресал является примером межкультурного взаимодействия населения Минусинской котловины.

Ключевые слова: Минусинская котловина, кресало, хакасы, русские, межкультурное взаимодействие, ремесленное производство.

История отношений человека с таким природным явлением, как огонь, включает четыре культурно-исторических стадии огнедобычи (каменная, деревянная, металлическая и спичечная), последовавшие за продолжительным периодом сохранения и поддержания костров, зажженных от очагов «природного» огня. По материалам изготовления приборов для получения огня разделяются на каменные, деревянные и металлические (в последнем случае они скорее комбинированные – каменно-металлические), а способы использования являются объективным отражением уровня технологического развития различных социокультурных систем. К настоящему времени накоплен свод археолого-этнографических данных, позволяющих проследить внутренне непротиворечивую историю развития огнедобычи в границах крупных культурно-исторических образований Сибири и Центральной Азии, а в ряде случаев и на отдельных локальных территориях.

Как и на большей части Евразийского континента, в материалах археологических раскопок памятников Минусинской котловины не получила отражения самая ранняя историческая стадия существования огневых приборов и связанных с ними способов получения огня на основе технологической схемы камень – камень – трут. Только по находкам в склепах таштыкской культуры фиксируется «деревянная» стадия получения огня, что достаточно поздно, поскольку на соседних территориях элементы деревянных огневых приборов встречаются еще с рубежа VIII–IX вв. до н.э. Хронологический «провал» вряд ли можно связывать с медленными темпами культурного развития. Логично было бы его объяснить отсутствием традиции использования огневых принадлежностей в погребальной практике тагарского населения, отличающейся от посмертных ритуалов скифов Тувы, Горного Алтая и Синьцзяна [Митько, 2005; 2011].

Начало следующей, «металлической» стадии связано с появлением у тюркского населения стальных кресал, сменивших мобильные комплекты деревянных огневых приборов. Став важной частью экипировки мужчин, они в качестве составной части наборного пояса вошли в разряд престижных социально значимых элементов предметного комплекса погребений, совершавшихся по обряду трупоположения с конем. Оригинальные по форме и декоративному оформлению металлические огневые приборы появляются в культуре древних тюрков и енисейских кыргызов как бы «внезапно», без видимой для нас предыстории, что может указывать на их происхождение за пределами Саяно-Алтая. Это особенно хорошо прослеживается на территории Минусинской котловины, где в памятниках таштыкской культуры известно всего две находки от деревянного огневого прибора и одна металлического кресала, вероятнее всего имеющего позднее происхождение.

С рубежа VIII–IX вв. у енисейских кыргызов получили распространения кресала пластинчатой формы, которые с XI в. сменились кресалами в форме небольшой скобы, закрепленной в деревянной рукояти (вариант 1) [Евглавский, Потемкина, 2000, с. 187]. Они имели широкое распространение в кочевнической среде, а енисейскими кыргызами использовались на протяжении всего времени существования аскизской культуры и, судя по находкам на площади Саянского острога, имели хождение вплоть до XVIII в. [Скобелев, 2007, рис. 3: 2].

Завершает последовательность развития и смены огневых приборов финальная, «спичечная» стадия, ставшая одним из результатов промышленной революции. В России начало массового производства спичек приходится на конец 1850-х гг., когда было открыто несколько десятков спичечных мануфактур [Спичка // Википедия...]. Однако розничная продажа вредных для здоровья спичек с фосфорными головками долгое время была ограничена, и для каждого из регионов Сибири существовали свои исторически обусловленные специфические

* Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда (проект № 20-18-00111).

особенности перехода к спичечной стадии. Что касается территории Минусинской котловины, то на протяжении всего Нового времени подавляющее большинство ее населения в бытовой повседневной жизни продолжало пользоваться как огнивами традиционного тюрко-монгольского типа, так и стальными кресалами преимущественно калачевидной формы.

К настоящему времени в коллекциях городских и районных краеведческих музеев выявлено 19 экземпляров огнив, которые можно считать традиционными огневыми приборами хакасов, а также три графические зарисовки, четыре ударных лезвия и посеребренная накладка на кожаную сумочку. Хакасское огниво (*оттых*) представляет собой подвешиваемую к поясу плоскую кожаную сумочку с прикрепленным в нижней части стальным лезвием. В сумочке хранились трут и кремневый камень, ее лицевая сторона, как правило, украшалась накладными пластинами и бляхами, покрытыми растительным орнаментом (рис. 1).

При всей морфолого-технологической схожести с подобными изделиями на территории соседних регионов хакасские огнива уступают им в количественном отношении, но при этом отличаются особенностью художественного оформления, которое позволяет говорить о своеобразном «хакасском» стиле. Относительно небольшое количество дошедших до нас экземпляров объясняется тем, что технологически более простые в изготовлении калачевидные кресала намного раньше попали на территорию Среднего Енисея вместе с постоянно увеличивавшимся притоком русского населения и составили конкуренцию традиционным огневым приборам. Еще одной причиной стало то, что в Новое время во всех крупных этнокультурных регионах Центральной Азии тюрко-монгольские огнива являлись одним из показательных элементов как повседневного, так и праздничного мужского костюма. У хакасов XIX в. *оттыхи* не стали обязательным дополнением верхней мужской одежды, которая к тому же существенно отличалась от костюма тувинцев, монголов и бурят.

Огнива хакасов характеризуются простотой декоративной отделки и украшением поверхности кожаной сумочки преимущественно накладками из посеребренного железа. Стоит подчеркнуть, что именно насечка серебром по железу является «фирменным» знаком хакасских кузнецов, и это коренным образом отличает их продукцию от алтайских и тувинских *отуков* и особенно бурятских и монгольских *хэте*. В качестве ведущих стилистических элементов стоит выделить криволинейные мотивы, бордюры с изображением бегущих побегов (рис. 1: 1–6, 11). Они встречаются и на других предметах народного искусства, прежде всего на войлочных и кожаных вещах, но наибольшая близость прослеживается в украшении металлических деталей конской упряжи. В то же время для хакасских огнив не характерно использование в отделке полудрагоценных и поделочных камней, драгоценных металлов, также отсутствуют широко представленные на монгольских изделиях буддийские персонажи, образы и символы.

Из 19 экземпляров большинство относится к повседневным огневым приборам, связанным с бытовой и хозяйственной деятельностью. С определенной долей условности праздничными можно считать лишь несколько экземпляров (рис. 1: 7–10). При этом из всей коллекции лишь три огнива, украшенные накладками из серебра, выполняли функцию социально значимых предметов, однако изготовлены они не местными ремесленниками, а, вероятно всего, тувинскими или монгольскими мастерами. Из них одно огниво хранится в коллекции Хакасского национального краеведческого музея имени Л. Р. Кызласова, второе из собраний Аскизского краеведческого музея (рис. 1: 9, 10). Третье было зарисовано в Кызласов улусе Н. Н. Нагорской, составившей альбом художественных копий этнографических материалов.

Традиционный хакасский огневой прибор является одним из свидетельств распада сакральной триады (пояс, нож, огниво) в мужской экипировке кочевников-скотоводов. Полотняный пояс сменил наборный пояс, а нож в комплекте с огнивом сохранился как часть праздничного костюма только у монголов, бурят и тувинцев. В то же время в комплекте хакасского *оттыха* фиксируются астрагалы овцы – древнейшие ритуально-сакральные знаковые артефакты, обладающие широким семантическим полем. В контексте изучения огневых приборов необходимо отметить их связь с деревянными приборами, в составе которых они служили накладкой на деревянное сверло. С появлением огнив и кресальных камней бараньи астрагалы с отверстиями употреблялись в качестве своеобразных «держалок»: в отверстие пропускался и завязывался ремешок, на конце которого подвешивался *оттых* (рис. 1: 11). Аналогичный способ крепления огнив к широким матерчатым поясам отмечен у тувинцев [Кызласов, 1960, с. 141].

Несмотря на то что по сравнению с соседними тюркоязычными и монголоязычными народами традиционные огневые приборы не получили широкого распространения в культуре хакасов, традиция их изготовления и использования просуществовала по меньшей мере до середины XX в. В фондах Хакасского национального краеведческого музея имени Л. Р. Кызласова хранится *оттых* (ХКМ 6178/47), который, судя по использованным материалам и техническим приемам (стандартные железные заклепки, ударное лезвие обработано на точильном круге, кожзаменитель, появившейся в СССР с начала 1930-х гг.), мог быть изготовлен в середине прошлого века.

В целом же изменения тенденции в кузнечном производстве хакасов были отмечены еще в конце XIX в. Особенностью Минусинского региона стала его относительная интеграция в общероссийский экономический рынок и появление русских мастеровых людей. По свидетельству П. Островских, «...все металлические изделия, встречаемые у качинцев, приобретены в г. Минусинске, куда они привозятся из России и из Абаканского железнодорожного завода, и от сибирских деревенских кустарей. Последние приготавливают ножи, перстни, трубки с оловянной обивкой, огнива, серебряные насечки на седлах и сбруе и т. д. Мне приходилось бывать у богатого

качинца Петра Чаркова на р. Уйбат. Его громадный двор с большим русским домом, со многими юртами и разными надворными постройками, с многочисленной дворней представляет нечто вроде княжеского двора. Здесь вы находите учителя из поселенцев (т. е. уголовных ссыльных) – он же письмоводитель и т. д., фельдшера, кузнеца, слесаря и несколько мастеров из коренных сибирских крестьян для более изящных работ (насечки, литья и т. д.). Я не говорю уже о большом количестве пастухов, кожевников, коровниц и т. д. Насечка серебром деревянги и ременных принадлежностей к седлу стоит 40–60 руб.» [Островских, 1985, с. 312].

Рис. 1. Традиционные хакасские огневые приборы:

1–6, 11 – с накладками из посеребренного железа с криволинейными мотивами, а также бордюрами с изображением бегущих побегов; 7–10 – с накладками из серебра

1, 3, 5, 8, 9 – Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова; 2 – Красноярский краевой краеведческий музей; 4, 10 – Аскизский краеведческий музей имени Н. Ф. Катанова; 6 – Краеведческий музей с. Малая Сыя, Хакасия; 7 – Кабинет археологии Хакасского государственного университета; 11 – Минусинский краеведческий музей имени Н. М. Мартыанова (все фотографии автора)

Вторую группу приборов, использовавшихся населением Минусинской котловины в Новое время, составляли простые цельнометаллические однолезвийные стальные кресала, предназначенные для обыденно-ситуационной огнедобычи.

В музейных коллекциях и частных собраниях зафиксировано 31 кресало различных типов с территории Минусинской котловины (рис. 2). За исключением находки во впускной могиле 11 тесинского кургана Новые Мочаги (рис. 2: 10) [Кузьмин, 2011, табл. 69: 3], все кресала из состава случайных находок. Судя по сопроводительным описаниям коллекций Минусинского краеведческого музея, они как часть «живой» культуры не представляли интереса для музейных работников и лишь с началом XX в. вместе с различным подъемным материалом из окрестностей сел Городок, Луговое, Означенное и других стали включаться в фонды.

Подавляющее большинство из них (23 экз.) относится к типу калачевидных кресал овальной и овально-подтреугольной формы с небольшими завитками на концах дуг. Они разделяются на два варианта: с язычком (рис. 2: 1, 2, 10) и без него (рис. 2: 3–9, 11). Среди последних выделяется кресало с небольшой ударной частью и высоко поднятыми дугами (рис. 2: 12). На всех экземплярах традиционных хакасских огнив и цельнометаллических однолезвийных кресал фиксируются следы сработанности на ударных лезвиях, что свидетельствует об их длительном использовании.

Сравнительный анализ кресал из различных регионов Сибири показывает, что самый распространенный тип кресала – калачевидные. Причем в литературе отмечалось, что их датировка по новгородским древностям не совпадает со временем бытования на других территориях. Анализ Н. Б. Крыласовой кресал Пермского Предуралья показал, что хронологическая схема кресал Новгорода не является универсальной для всей территории Евразии. Также наличие или отсутствие язычка не служит хронологическим признаком: все разновидности калачевидных кресал с X до середины XIX столетия имели варианты как с язычком, так и без него [Крыласова, 2007, с. 157]. Одновременное существование двух вариантов калачевидных кресал встречается и среди находок на русских поселениях Омского Прииртышья и Кузнецкой котловины [Татаурова, 2017, с. 169, рис. 2: 1–12; Митько, 2011]. Это же относится и к пластинчатым кресалам с одной петлеобразной рукоятью (рис. 2: 13, 14), которые представлены в археологических памятниках Приуралья в период с VIII по XI–XII вв., но появляются в Сибири вместе с пришлым населением из-за Урала. Свою историю имеют и достаточно редкие В-образные кресала (рис. 2: 15, 16), отмеченные среди случайных находок на территории Минусинской котловины [Митько, 2014]. В настоящее время их отнесение к изделиям XIX в. выглядит вполне оправданным, как и в отношении кресала индивидуальных форм (рис. 2: 18), форма которого позволяет отнести их к продукции русских мастеров.

Из общей коллекции огневых приборов населения Минусинской котловины выбивается кресало ладьевидной формы (рис. 2: 17). Один из первых исследователей культуры древних славян Л. Нидерле посвятил отдельный раздел описанию огневых приборов, включив в наиболее распространенные формы металлических кресал ладьевидную форму [Нидерле, 2001, с. 294–295, таблица «Огнива»: 4–7]. Хронология и территория распространения ладьевидных кресал плохо изучены, но стоит отметить, что подобный тип встречается в средневековых археологических памятниках Дальнего Востока [Ходзевич, Шавкунов, 1990].

Несмотря на морфологическую стандартизацию, цельнометаллические однолезвийные относятся к индивидуальному производству и, являясь важнейшим инструментом жизнеобеспечения, стали к концу Нового времени типичным товаром ширпотреба – тем, что относительно дешево стоит благодаря несложности (технологической и технической) изготовления и быстро продается. Оптимальное соотношение качества и цены на кресала определили их устойчивый потребительский спрос, который удовлетворялся кустарным производством, позволяя создавать (и тиражировать) стандартизированный продукт в большом количестве, что привело к его удешевлению и доступности для массового потребителя.

Рассматривая огневые приборы населения Минусинской котловины в качестве источниковой базы для изучения культурных явлений, необходимо отметить их количественную недостаточность для хронологических и этносопоставительных характеристик, а размытость границ допустимых экстраполяций подразумевает и неизбежно высокую долю условности. Огневые приборы не имеют точной хронологической привязки, однако служат ярким показателем межкультурных контактов и взаимодействий. Д. Каррутерс, путешествовавший в 1910 г. по Туве и Монголии, отмечал, что нож на поясе сойота мог быть русский, кремь и огниво монгольские, а трубка китайская [Каррутерс, 1914, с. 232]. Подобные явления, только в более развитой форме, были характерны и для населения территории Минусинской котловины, переживавшей активный период культурной адаптации [Скобелев, 2003]. Пример с огневыми приборами, включавшими и местные традиционные *оттыхи*, и кресала, которые привезли с собой выходцы из западных и центральных районов России, лишь частный случай межкультурного взаимодействия.

Население Минусинской котловины в Новое время – это не только сельские жители, но и городские, уклад которых не слишком отличался от образа жизни в других городах Сибири. Археологические раскопки в Таре дали толчок к изучению еще одной стороны «археологии быта» – проблемы освещения жилых, административных и культовых построек [Татауров, 2019]. Очевидно, что до окончательного укрепления спичечной стадии огнедобычи освещение в городах Минусинской котловины, как и табакокурение их обывателей, были неразрывно связаны с получением огня традиционным способом.

Рис. 2. Кресала Нового времени:

1, 2, 10 – без язычка; 3–9, 11 – с язычком; 12 – с небольшой ударной частью и высоко поднятыми дугами; 13–14 – пластинчатые кресала с петлеобразной рукоятью; 15, 16 – В-образные; 17 – ладьевидной формы; 18 – индивидуальной формы. 1–6, 9, 11–17 – случайные находки (из собрания Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета); 7 – случайная находка (из собрания Новоселовского краеведческого музея); 8, 18 – случайные находки (из собрания Минусинского краеведческого музея имени Н. М. Мартыанова) (все фотографии автора); 10 – курган Новые Мочаги, впускная могила 11 (по: [Кузьмин, 2011, табл. 69: 3])

Евглавский А. В., Потемкина Т. М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы в эпоху Средневековья. Труды по археологии. Т. 1. – Донецк : ДГУ. 2000. – С. 181–209.

Каррутерс Д. Неизвестная Монголия. – Пг., 1914. – Т. 1 : Урянхайский край. – 341 с.

Крыласова Н. Б. Хронология кресал Пермского Предуралья // Известия Челябинского научного центра. – Вып. 1 (35). – Челябинск, 2007. – С. 157–161.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб. : Айсинг, 2011. – 456 с.

Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. – V в. н. э.). – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960. – 198 с.

Митько О. А. Деревянные огневые приборы в погребальных памятниках народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. – Новосибирск, 2005. – Т. 5, вып. 3 (прил. 2) : Археология и этнография. – С. 110–127.

Митько О. А. Деревянные огневые приборы из памятников скифского времени на территории СУАР (Китай) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. I. – СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. – С. 361–362.

Митько О. А. Кресала В-образной формы // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы V Междунар. науч. конф. Ч. I–II. – Кызыл, 2014. – С. 238–241.

Митько О. А. Кресала из археологических памятников русского населения Западной Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 336–341.

Нидерле Л. Славянские древности. – М. : Алетейа, 2001. – 592 с.

Островских П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчет о поездке 1894 г.) // Живая старина. – Вып. III–IV. – СПб., 1895. – С. 297–348.

Скобелев С. Г. Местные заимствования в комплексе материальной культуры русских первопроходцев юга Средней Сибири (по материалам раскопок Саянского острога) // Степи Евразии в древности и Средневековье : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. – Кн. 2. – СПб., 2003. – С. 278–282.

Скобелев С. Г. Сложение в XVII–XVIII вв. единого комплекса предметов материальной культуры коренного и русского населения Средней Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия : История, филология. – Новосибирск, 2007. – Т. 6, вып. 3. – С. 255–256.

Татауров С. Ф. Освещение жилых, административных и храмовых комплексов в городе Таре в XVII–XIX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2019. – № 1 (44). – С. 37–44.

Татаурова Л. В. «В горнице моей светло»: Осветительные приборы в русских жилищах (по материалам археологических комплексов XVII–XVIII вв. Омского Прииртышья) // Культура и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время : материалы Междунар. конф., посвящ. 80-летию юбилею Л. А. Чиндиной. – Томск, 2017. – С. 167–171.

Ходзевич Л. П., Шавкунов Э. В. Классификация и датировка дальневосточных кресал // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация датировка культур. – Владивосток, 1990. – С. 109–121.

Спичка // Википедия. – URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 21.03.2021).

O. A. Mitko

Novosibirsk State University

FIRE-MAKING APPARATUS OF THE POPULATION MINUSINSKY DISTRICT IN NEW TIME*

The article is devoted to the consideration of the complexes of fire-making apparatus of the population of the Minusinsk Basin in the New Time. The first complex includes 19 traditional Khakass fire-making known as ottykh. They are characterized by the simplicity of the decorative finish and the use of silver-plated iron plates. Unlike neighboring peoples, the ottykh did not become an obligatory addition to men's outerwear. The tradition of making and using traditional Khakass fire-making steels lasted until the middle of the twentieth century. The second complex consisted of single-edged steels that appeared together with the Russian population. Only one of them was recorded in the burial, the rest were discovered by chance. Of the total number, most of the steels (23 specimens) are of the kalachevidnyy type, which are divided into two variants that existed simultaneously. The use of traditional Khakass fire-making and steels is an example of intercultural interaction between the population of the Minusinsk Basin.

Keywords: Minusinsk Basin, steel, Khakass, Russians, intercultural interaction, handicraft.

* Research was executed for account of the grant of the Russian scientific fund (project No. 20-18-00111).